

НЕ ПЕРЕВОДИ

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Марк Вельский

Не переводи

«Автор»

2026

Вельский М.

Не переводи / М. Вельский — «Автор», 2026

Ирина Белова приезжает в небольшой французский отель, чтобы перевести переговоры о его продаже. Обычная работа, знакомые участники, несколько часов за столом. Но едва встреча начинается, хозяйка, дождавшись, когда покупатель отойдёт, тихо произносит: «Мне нужна помощь». Через несколько минут покупатель задаёт Ирине неожиданный вопрос: «Она уже попросила вас её спасти?» Семь лет назад в этом отеле погибла жена покупателя. Незадолго до трагедии Ирина переводила разговор, в котором сознательно смягчила категорический отказ. С тех пор она живёт с чувством вины. Теперь все трое снова оказались за одним столом. Хозяйка боится покупателя. Покупатель утверждает, что его несправедливо обвиняют. И каждый хочет, чтобы Ирина передала именно его версию произошедшего. Но чем дольше продолжаются переговоры, тем яснее становится: кто-то из присутствующих готов на многое, лишь бы его слова наконец приняли за правду.

© Вельский М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЩИЙ ЯЗЫК	5
ГЛАВА 1. УДОБНЫЙ ЧЕЛОВЕК	5
ГЛАВА 2. ДОМ НА ПРОДАЖУ	8
ГЛАВА 3. ОТКАЗ	12
ГЛАВА 4. ОСМОТР	16
ГЛАВА 5. НЕ МЕНЯЙТЕ ЛИЦА	22
ГЛАВА 6. ОНА УЖЕ ПОПРОСИЛА	26
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧУЖИЕ СЛОВА	29
ГЛАВА 7. ПРАВИЛА РАЗГОВОРА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марк Вельский

Не переводи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЩИЙ ЯЗЫК

ГЛАВА 1. УДОБНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В десять семнадцать Ирина Белова нашла слово, которое оба участника переговоров искали уже четверть часа, и впервые за утро получила удовольствие от работы.

На экране ноутбука французский мастер развернул перед камерой тяжёлую деревянную доску. Она была широкой, неровной, с тёмной полосой вдоль края; справа виднелась кисть его помощника, который удерживал вещь от падения. Российский дизайнер, находившийся в другом окне видеосвязи, называл эту неровность то живой кромкой, то естественным краем, то древесной линией. Мастер морщился: по-французски всё это звучало либо как дефект, либо как повод ничего не обрабатывать.

— Он хочет, чтобы края не выглядели обрубленными, — объяснил дизайнер. — Но чтобы и не создавалось впечатления, будто мы пытаемся имитировать лес.

Ирина попросила обоих помолчать. На бумаге перед ней лежали не записанные предложения, а отдельные слова: стык, след инструмента, открытый, естественный. В конце концов она сказала мастеру, что речь идёт о кромке, у которой сохранён характер дерева, но убраны случайные повреждения. Мастер медленно провёл пальцем по доске, улыбнулся и произнёс короткое французское выражение, которого дизайнер не знал. Ирина перевела его как «обработанная естественность».

— Именно, — сказал дизайнер с таким облегчением, словно она не перевела фразу, а освободила его из тесной комнаты.

В такие минуты Ирина понимала, зачем осталась во Франции. Не ради возможности заказать кофе без акцента, не ради красивых названий улиц, которые первые два года воспринимала как обещания, а потом научилась не замечать. Ей нравилось, когда два человека, до этого бесконечно поправлявшие друг друга, вдруг начинали говорить об одном и том же.

Через пять минут дизайнер попросил снизить цену за образцы. Мастер ответил ясно: никакой скидки он предложить не может. Ирина успела сказать по-русски: «Он сейчас не готов обсуждать скидку», — и только потом ощутила знакомое маленькое неудобство, словно перепутала ногу, начиная идти.

— Совсем не готов? — уточнил дизайнер.

— Он сказал, что скидки не будет, — поправила себя Ирина. — Это не временная отсрочка. Простите, я смягчила формулировку.

Мастер не понял русского обмена, но подождал, пока она закончила, и позволил ей передать дизайнеру просьбу об изменении количества образцов. Они нашли другое решение. Никто не обиделся. Заказ завершился в десять пятьдесят восемь.

Сразу после звонка дизайнер прислал фотографию другой доски и короткое сообщение: «Вы спасли нам разговор. Без вас мы бы решили, что мастер упрямится из принципа». Ирина прочла его дважды. Ей всегда нравилось ощущать, что она способна снять непонимание, которое люди сами уже не замечают. Сегодня это удалось. Мастер не изменил цену, дизайнер не получил обещанной скидки, зато они согласовали количество образцов и срок доставки. Никто не потерял лица.

Она открыла рабочую запись и внесла в неё новое слово, найденное утром. Рядом поставила маленькую пометку о границах значения: «Описывает фактуру, не качество». Иногда запись из двух слов могла пригодиться через годы. Профессия приносила Ирине удовольствие именно такими минутами — когда она находила точное выражение и оно переставало быть её находкой, становилось частью чужого понятного разговора.

Было двадцать минут двенадцатого. Ирина закрыла файлы с образцами, поставила чашку в мойку и вновь открыла письмо Элизы. В нём стояли два имени, которые она знала слишком хорошо. Счёт мастеру был отправлен, обычная работа закончена. Теперь оставалось решить, зачем она согласилась на другую.

Семь лет назад она не исправилась.

Тогда хозяйка небольшого французского отеля сказала о своей постоялице: «Она не хочет вас видеть. Не приезжайте». Ирина передала русскому мужу женщины: «Ей сейчас тяжело. Дайте ей немного времени». На его вопрос о том, можно ли попробовать вечером, она ответила, что, возможно, к вечеру станет легче.

Через несколько часов Анна Лебедева погибла после ссоры с мужем на наружной лестнице этого отеля.

Ирина не умела забывать ни заменённый отказ, ни голос Дмитрия Лебедева, сообщившего ей спустя некоторое время, что произошёл несчастный случай. Он произносил это выражение удивительно бережно, будто от правильного удара зависело, можно ли будет дальше жить.

Теперь тот же Дмитрий хотел купить тот же отель. А Элиза Моро, хозяйка, наняла Ирину для переговоров.

В другом окне ноутбука висело письмо, которое она перечитывала последние две недели. Элиза написала вежливо и обстоятельно: гостиница закрыта для гостей на время подготовки продажи, покупатель из России, требуется последовательный перевод при осмотре объекта и обсуждении основных условий. Сразу были указаны имя Дмитрия, примерное расписание и ставка. Последнее предложение звучало не как деловое: «Я думаю, продажа поможет закончить историю, которую мы обе помним».

Ирина ответила не сразу. Она могла отказаться. У неё было достаточно других клиентов, хотя доходы сентября не покрывали летних расходов и замену вышедшего из строя отопительного насоса она всё ещё откладывала. Работа оплачивалась хорошо; это было только частью причины. Другая часть заключалась в том, что семь лет она репетировала извинение, так и не выбрав человека, которому следовало его произнести.

Перед поездкой оставалось закончить ещё одно дело. На телефоне горело напоминание перезвонить мастеру, который должен был проверить отопление в её квартире. Ирина набрала номер, слушая, как за стеной соседка переставляет мебель. Мастер предложил прийти в понедельник в семь утра и попросил заранее оставить ключ у консьержа.

— Я буду дома после девяти, — сказала Ирина.

— В девять не смогу. Тогда на следующей неделе. Но если у вас потечёт снова, не обижайтесь.

Она почти произнесла привычное «попробую что-нибудь придумать». Служебная поездка, ещё один заказ, чужие ключи — всё уже успело сложиться в список неудобств, которые она могла бы взять на себя, лишь бы мужчина не раздражался. Но вместо этого спросила, есть ли другой мастер в их компании. Мужчина назвал телефон диспетчера, не повысив голоса, и на этом разговор закончился.

По новому номеру ответил диспетчер. Другой мастер сможет уточнить время после пяти, сам позвонит. Ирина попросила передать, что до восьми будет на работе и ответит не сразу.

Она открыла рабочий календарь. На пятницу было записано: «Les Aulnes. Осмотр. 13:00». В заметках ниже стояли французские слова для котельной, водостока и доли сезонной

загрузки. Она выучила их не сегодня. В этом было утешение: знать предмет разговора и уметь работать она не перестала. Беспокойство касалось не языка. Оно начиналось там, где другой человек ожидал от неё чего-то большего, чем перевод.

На листке со стоимостью заказа Элиза подчеркнула дополнительную оплату за возможные часы в субботу. Ирина не могла сказать, что деньги ей безразличны. Вчера в супермаркете она вернула на полку хорошее оливковое масло, выбрав бутылку подешевле. Но и говорить себе, будто едет исключительно ради оплаты, было бы слишком удобным объяснением.

Она посмотрела на часы. До выезда оставался час. Сумка для работы уже лежала у дверей: блокнот, ручки, бутылка воды, зарядка, телефон с записанным адресом. Кроме обычных вещей в сумке были бумажные платки — привычка, которая сместила бывшего партнёра. Он говорил, что Ирина всегда готова к тому, что кто-нибудь рядом с ней расплатится. Она не спорила. Точнее, тогда она говорила: «Может быть», хотя хотела сказать: «Не надо так обо мне».

На кухне чуть подгорел тост. Ирина выбросила его, сделала второй и съела стоя. Из окна был виден противоположный фасад: соседка тащила велосипед через двор, перед пекарней остановился фургон. Она проверила, закрыта ли форточка, и взяла сумку.

Она открыла переписку с Соней, коллегой из другого города, и отправила адрес отеля с комментарием: «Сегодня там работаю. Вечером вернусь». Соня ответила почти сразу: «Вижу. Если удержишься, напиши. И удачи».

Ирина не рассказывала ей всего. Соня знала об ошибке семилетней давности, о погибшей женщине и о том, что Ирина воспринимает эти события как связанные. Она не знала подробностей нового заказа: Ирина и сама избегала рассказывать о нём вслух, как будто произнесённое имя делало её решение менее разумным.

Она набрала номер Элизы. Гудки тянулись дольше обычного.

— Мадам Моро, это Ирина. Я выезжаю по плану, буду около часа.

— Хорошо. Здесь сегодня довольно сыро, возьмите что-нибудь тёплое. Вам удобно будет работать с небольшими перерывами?

— Да. Я получила вашу информацию о доме.

— У нас есть время до вечера. Если покупатель захочет перенести обсуждение на завтра, я не возражаю.

Элиза говорила обычным тоном человека, который заботится о госте заранее. Ирина почти поверила, что всё можно будет провести как обыкновенный заказ.

— Мне бы хотелось до его приезда поговорить с вами, — сказала она.

На том конце возникла недолгая пауза. Издалека донёсся звон посуды.

— Да. Мы обязательно поговорим.

После разговора Ирина взяла куртку, но телефон снова завибрировал. Элиза отправила короткое сообщение: «Дмитрий знает, что переводить будете вы. Он не возражает». И следом другое: «Пожалуйста, оставайтесь столько, сколько понадобится, даже если мы не уложимся в отведённые часы. Я хочу, чтобы это были именно вы».

Ирина перечитала последнюю фразу. Семь лет назад она была нужна, потому что знала два языка. Сегодня язык едва ли был главным.

Она могла написать, что согласна только на оплаченные часы. Могла потребовать обсуждать прошлое вне рабочего времени или вовсе снять заказ. Вместо этого открыла дверь, подхватила сумку и, уже на лестнице, отправила короткое: «До встречи».

Ответ ушёл раньше, чем она успела дописать: «До восьми». Ирина посмотрела на закрытую дверь квартиры и убрала телефон в сумку.

ГЛАВА 2. ДОМ НА ПРОДАЖУ

С дороги отель казался жилым домом, который терпеливо ждёт приезда родственников. У ворот не было ни цепи, ни рекламного щита с крупным словом «ПРОДАЁТСЯ». Небольшую табличку «Les Aulnes» прикрывала ветка, покрытая жёлтыми пятнами ранней осени. На дорожке лежали листья, убранные к краям так аккуратно, будто кто-то хотел сохранить их присутствие, не позволяя им мешать.

Ирина остановила машину у невысокой ограды. Дорога за её спиной продолжалась к жилым домам, дальше был перекрёсток, пекарня и маленькая остановка. В соседнем саду человек стриг изгородь. Ветер уносил запах мокрой земли и едва слышный звук рабочего радио. Отель не был ни одиноким, ни заброшенным. Именно это почему-то усилило её тревогу: ничто не обязывало день здесь становиться драмой.

Из открытой двери вышла женщина в сером кардигане, держа в одной руке складные полотенца.

— Вы, должно быть, переводчица? — спросила она по-французски. — Я Ноэми.

Её голос был практичным и чуть запыхавшимся. Она показала, где можно оставить машину, и протянула руку, не пытаясь перехватить сумку. Потом посторонилась, пропуская Ирину в прохладный холл.

Справа стояла стойка с маленьким латунным звонком и ключницей, почти пустой. Слева через широкую арку виднелась гостиная: два дивана, кресло с вытертым подлокотником, полка с путеводителями и маленький стол. Чуть дальше за стеклянными дверями располагалась столовая. Оттуда пахло вымытым деревом и тёплой водой. Между столовой и кухней проходил узкий служебный коридор; его дальний конец освещался двором через окно в боковой двери.

— Гостей пока нет, — пояснила Ноэми, заметив взгляд Ирины на ключницу. — Мадам закрыла приём в начале недели. Приходится разбирать шкафы, иначе при продаже каждый решит, что всё здесь вечно останется на своём месте.

— Вы давно работаете?

— Второй год. Достаточно, чтобы понимать, где лежат чашки, и недостаточно, чтобы позволять себе ругаться на расположение шкафов.

Они обе улыбнулись. Из кухни донёсся голос Элизы:

— Ноэми, ты опять держишь гостью у порога? Пусть снимет куртку.

Элиза вышла с полотенцем на плече. Она была невысокой, с серебристыми волосами, собранными так туго, что лицо казалось более решительным, чем на фотографии из деловой переписки. Ирина видела её только однажды — через экран видеозвонка после заказа, — и на улице узнала бы не сразу. За семь лет обоим прибавилось морщин, хотя считать их было бессмысленно.

— Добро пожаловать, — сказала Элиза и взяла Ирину за обе руки. — Вы доехали без труда?

— Да. Дорога свободна.

— Вы, наверное, не завтракали толком.

— Я поела дома.

— Тогда кофе после осмотра. Ноэми, не нужно сегодня мыть верхние окна. Ты говорила, у тебя болит плечо.

— Я говорила, что у меня болела спина во вторник.

— Значит, тем более не нужно.

Ноэми закатила глаза с тем коротким доверием, которое бывает лишь между людьми, давно знакомыми с привычками друг друга. Элиза забрала у неё полотенца, велела отложить их

и спросила, нужен ли ей после четырёх свободный час для поездки к матери. Ноэми ответила, что уйдёт в половине пятого, как договаривались, и не стоит менять планы ради её семьи.

Ноэми поставила полотенца на стойку и показала Ирине две аккуратные стопки: одна была перевязана бумажной лентой, другая лежала просто так.

— Эти в продажу не входят, — сказала помощница. — Вернее, хозяйка хочет оставить их для следующего владельца, но я не уверена, что он захочет полотенца с вышивкой двадцатилетней давности. А эти мы отвезём в приют для животных. Там берут старое бельё.

Из кухни донёсся голос Элизы: ей не нравилось, когда хорошие вещи называли старыми. Ноэми фыркнула и, понизив голос, пояснила, что хозяйка с утра успела трижды изменить решение о чайном сервизе. Пока одна женщина раскладывала гостиницу на то, что останется, и то, что уйдёт, другая пыталась сохранить за каждой чашкой её прежнее место.

Ирина задержалась у небольшой доски с рабочим расписанием. Возле пятницы было написано: «Ноэми — до 16:30», возле субботы: «9:00–11:30». Рядом — список неотложных дел, среди которых замена лампочки над лестницей и возврат лишних полотенец в прачечную.

— Завтра вы тоже работаете? — спросила Ирина.

— Полдня. Мама ждёт меня к обеду, я ей пообещала помочь с покупками. А мадам Моро обещала не придумывать мне работу после половины двенадцатого. Посмотрим, кто из нас выдержит обещание.

Элиза услышала последние слова и подошла с двумя маленькими пакетами.

— Это тебе и твоей матери. Булочки вчерашние, но утром я их подогрела. Они ещё хорошие.

— Мама не ест сладкое, ты же знаешь.

— Тогда себе оставь. Не надо, чтобы пропадало.

В холле зазвонил телефон. Ноэми ответила, выслушала и сказала, что гостиница временно не принимает гостей. Потом ещё раз: нет, даже на одну ночь.

Элиза подняла голову от кофемашины.

— Кто?

Помощница прикрыла трубку ладонью:

— Господин с собакой. Они приезжали в июле, помните? Он думал, что, если уже у нас жил, можно не бронировать.

— Передайте мне.

Ноэми без спора отдала трубку. Хозяйка поздоровалась с такой радостью, что Ирина решила: сейчас гостю найдут комнату. Но Элиза ещё раз сказала, что отель закрыт. Ирина слышала голос из динамика, не разбирая слов. Мужчина говорил долго. Элиза слушала, прижимая плечом трубку к уху и разламывая пальцами край булочки.

— Нет, — повторила она. — Вы мне ничего не испортите. Но я сейчас не могу вас принять.

Ноэми занялась полотенцами, стараясь не смотреть на хозяйку. Та назвала другой отель, объяснила дорогу. Когда положила трубку, на столе лежала горка крошек.

— Собаку всё равно бы не пустили наверх, — сказала помощница.

— Я же пускала.

— Потому и сказал.

Хозяйка собрала крошки в ладонь и отнесла к мойке. Ирина ждала, когда её позовут на осмотр, но Элиза вдруг спросила, не хочет ли она оставить куртку. Та ответила, что пока нет. Элиза кивнула и больше не предлагала.

Ноэми тем временем поставила возле стойки картонную коробку с посудой. Сверху лежала маленькая синяя кастрюля, почти игрушечная, с тёмными ручками. Ирина сказала, что никогда не видела таких.

— В ней соус подавали, — объяснила Ноэми. — Мама её любит. Мадам обещала отдать, когда перестанет готовить завтраки.

Элиза вернулась из кухни и посмотрела на коробку.

— Я сказала: когда продам.

Ноэми замерла, держа кастрюлю за ручку.

— Значит, я неправильно поняла. Поставлю обратно.

Она достала кастрюлю. У хозяйки на лице мелькнуло облегчение — и сразу исчезло.

— Нет, берите. Я уже не готовлю в ней.

— Если вам нужна, не надо.

— Не нужна.

Ноэми не положила её в коробку. Осталась стоять, словно обе руки вдруг оказались заняты неподъёмной вещью. Ирина отвернулась к окну: ей хотелось помочь им закончить этот разговор, найти слово, которое позволило бы одной отдать, а другой взять.

— Мне жалко, — сказала Элиза. — Я не думала, что мне будет жалко какую-то кастрюлю. Всё.

Ноэми посмотрела на неё и поставила кастрюлю на стойку.

— Тогда пусть пока стоит. Мама готовить в ней не будет. Она просто хочет поставить цветок.

— Цветок?

Хозяйка рассмеялась — коротко, с изумлением. Ноэми тоже улыбнулась и прикрыла кастрюлю полотенцем, будто решение можно было оставить под ним до вечера.

— Я не знала, что для цветка, — сказала Элиза.

Она взяла коробку с остальными тарелками и сама отнесла к выходу. Ноэми не стала благодарить. Убрала руки в карманы передника и попросила Ирину не садиться в кресло у стойки: одна ножка шатается, они всё собираются починить.

Из окна были видны соседний сад, человек с секатором и две машины у перекрёстка. Ирина уже отправила Соне сообщение о приезде. Она посмотрела на маленькую кастрюлю, оставленную под полотенцем, и почувствовала, что приехала в дом, из которого собираются уносить вещи. Не только покупать его.

Элиза предложила сначала пройти по первому этажу. Она говорила о доме спокойно, но не без гордости: новые стеклопакеты в гостиной, ремонт котла три года назад, сезонный наплыв семей по выходным, постоянные гости, которые возвращались ради тишины, а не роскоши. Ирина задавала уточняющие вопросы, записывала цифры. В столовой Элиза показала светильники, сделанные местным стеклодувом, и попросила особенно отметить, что их не планируется включать в продажу, если цена не изменится.

— Это нужно сообщить покупателю прямо, — заметила Ирина.

— Конечно. Я и пригласила вас, чтобы всё было прямо.

Прозвучало естественно. Слишком естественно, подумала Ирина, и тут же рассердилась на себя: человек имеет право произносить простые деловые слова, не пряча в них второе дно.

На лестнице между этажами пахло полиролью. Верхний коридор выходил окнами во двор. Рядом с двумя бывшими гостевыми комнатами находилась стеклянная дверь на площадку наружной лестницы. Через неё было видно тёмное дерево перил, влажные ступени и ровный прямоугольник садовой дорожки внизу.

Ирина не подходила к стеклу. Не потому, что боялась высоты. Семь лет назад она не стояла здесь, не слышала шагов и не видела Анну. Её память о трагедии состояла из телефона, собственных слов и позднего рассказа. Но место, о котором столько думала, оказалось слишком обычным. Никакого следа, который мог бы подтвердить или отменить её вину, дерево не сохранило.

— Перила прочные, — сказала Элиза, словно комментировала обычный объект осмотра.
— Мы всё проверяли. После того случая я следила за этим особенно.

— Понятно.

— Нет, — тихо возразила хозяйка. — Не думаю, что вам понятно.

Вернувшись вниз, они обнаружили, что Ноэми принесла воду и разложила у стойки почту. Среди конвертов лежало предложение от местной прачечной, несколько рекламных листов, квитанция за доставку. Ноэми отложила последний конверт отдельно.

— Это для вас. И ещё: в полвторого придёт мастер, только посмотрит уплотнитель на кухонном окне. Я ему сказала, что ремонт можно делать после выходных.

— Спасибо, — ответила Элиза. — Ты спасла меня от ещё одного разговора.

Ирина написала Соне: «Доехала. Всё нормально. Дом обычный, люди тоже». На секунду ей показалось нелепым последнее уточнение. Она удалила второе предложение и оставила только сообщение о приезде.

— Я могу спросить? — сказала она, когда Ноэми ушла в кухню. — Почему вы решили продать именно теперь?

Элиза села в кресло напротив, обхватив ладонями чашку.

— Мне шестьдесят четыре. Я устала просыпаться по первому звонку на ресепшене. И устала бояться, что к зиме придётся менять ещё что-нибудь дорогое. Это разумное решение. Я не хочу, чтобы вы искали тайну в каждом моём ответе.

— Я не ищу.

— Ищете. На вашем месте я бы тоже искала.

За окном прошла женщина с собакой. На дороге за оградой остановился грузовичок, пропуская встречную машину. Элиза посмотрела туда и вдруг спросила:

— Вы помните, что я сказала тогда? Не вечер, не лестницу. Именно мои слова по телефону.

Ирина сжала ручку. Она ожидала этого вопроса всё утро, но его непосредственность застала её врасплох.

— Помню.

— И что передали ему?

Ирина посмотрела на открытый блокнот, в котором стояли ровные столбики хозяйственных сведений. Ответ здесь не имел отношения к квадратным метрам, отоплению и состоянию перил. Но наконец она оказалась перед человеком, которому давно должна была произнести его.

— Не то, что вы попросили.

Элиза не переспросила. Она только осторожно поставила чашку на блюдце, стараясь не задеть край.

ГЛАВА 3. ОТКАЗ

Семь лет Ирина вспоминала прежний звонок не как связный разговор, а как последовательность маленьких решений. Поднять трубку. Согласиться помочь. Подобрать слово помягче. Не исправиться, когда представилась возможность.

Тогда она работала удалённо из съёмной квартиры, где за стеной соседи меняли плитку. Дмитрий Лебедев позвонил ближе к полудню. Его номер был у неё в записной книжке: прежде он дважды заказывал короткие переговоры с французскими поставщиками и платил без задержек. В тот день он говорил неожиданно медленно, просил не переводить ничего резкого, если хозяйка гостиницы окажется раздражённой, и объяснял, что у них с женой произошла ссора.

— Мне просто нужно понять, могу ли я приехать и нормально поговорить, — сказал он. — Она там, у какой-то мадам Моро. Я знаю адрес. Женщина по-французски, я — никак. Вы спросите, пожалуйста, Анна согласна меня принять или нет.

Ирина согласилась. Она помнила, что не задала ему вопроса, почему он не спрашивает жену по телефону сам. В брачных конфликтах она не разбиралась и считала саму постановку задачи достаточной: связаться с гостиницей, передать просьбу, сообщить ответ.

Элиза взяла трубку после третьего гудка. Ирина представилась и объяснила, кто просит о разговоре. Хозяйка не была ни грубой, ни растерянной. Она уточнила имя мужа, попросила минуту, затем вернулась и сказала, что Анна не желает встречи. Ирина спросила, это слова самой Анны или мнение хозяйки.

— Это её просьба, — ответила Элиза. — Я спросила, чего она хочет. Она не хочет вас видеть. Не приезжайте.

Они говорили по-французски. Короткая фраза прозвучала так: «Elle ne veut pas vous voir. Ne venez pas».

В ней не было сложного времени, двусмысленной вежливости или культурного оттенка, требующего толкования. Два отрицания. Прямая просьба. Ирина знала это тогда так же хорошо, как знала теперь.

Она перезвонила Дмитрию. За окном сверлили стену. Ей пришлось попросить его подождать, пока она закроет дверь в комнату. Возможно, именно эта пауза дала ей время придумать другой ответ. Он уже звучал напряжённо, и Ирина не хотела оказаться человеком, который резко закроет перед ним дверь. Она сказала:

— Ей сейчас тяжело. Дайте ей немного времени.

— То есть сегодня к ней не ехать?

Ещё можно было исправить. Можно было произнести буквальный отказ и объяснить, что первая фраза была слишком мягкой. Вместо этого Ирина ответила:

— Пока не стоит настаивать.

— Если я вечером попробую? Может, она успокоится?

Ирина не сказала «да». Это обстоятельство она потом не раз доставала из памяти, как спасательную вещь из кармана, хотя вещь ничего не спасала.

— Возможно, вечером ей станет легче, — произнесла она.

Дмитрий поблагодарил. Она отправила счёт и занялась другой работой. Вечером вспомнила о звонке один раз, когда мыла чашку, но не стала связываться с отелем. Она не знала, приехал ли он. Через некоторое время Дмитрий сам позвонил и сообщил, что Анна погибла. Он сказал, что приехал в гостиницу после их разговора, что произошла ссора и несчастный случай. Попросил не задавать вопросов, а затем долго благодарил Ирину за участие.

— Вы хотя бы помогли мне понять, что она не отвергает меня окончательно, — сказал он тогда.

У Ирины пересохло во рту. Она слышала, как произнесённые ею слова становились рассказом о желаниях мёртвой женщины. И не остановила его даже после этого.

В последующие годы Ирине иногда казалось, будто она помнит в том телефонном разговоре каждый вдох. Но стоило попытаться восстановить порядок мелочей — где лежала ручка, открывала ли она окно, сколько раз перезванивала, — и память становилась ненадёжной. Она не могла поручиться, что за стеной сверлили именно в тот момент, когда Дмитрий спросил про вечер. Эти подробности менялись от воспоминания к воспоминанию. Только основные реплики оставались прежними. Ирина слишком много раз повторяла их мысленно, чтобы забыть, где сама заменила просьбу отказать человеку во встрече на просьбу дать ему время.

Однажды, спустя два года после гибели Анны, ей предложили вести семинар для начинающих переводчиков. Организатор хотел включить небольшую лекцию о «позитивных формулировках» на трудных переговорах. Ирина составила план, написала о необходимости не усиливать чужую агрессию, о разнице между буквальным переводом и живой речью. Потом наткнулась на пример с отказом: поставщик категорически не согласен, а переводчик предлагает покупателю вернуться к вопросу позднее. Ирина удалила пример без объяснения. На семинаре рассказала о другом случае, где неверно поняли меру длины. Никто ничего не заметил.

Она тогда уже знала, что не всякое смягчение опасно. Знала и то, что иногда буквальная передача звучит по-русски смешно, а по-французски грубо, и работу нельзя сводить к словарю. Это знание делало её вину не меньше, а конкретнее: случай с Анной не был сложной культурной коллизией. Там не существовало второго добросовестного прочтения. Ирина предпочла дать человеку надежду, которой отправительница сообщения не давала.

Когда она получила приглашение Элизы, первым движением было не написать отказ, а открыть переписку семилетней давности в поиске старого номера. Ничего нового там не обнаружилось — только обычные счета и договорённость о коротком переводе. Ирина закрыла почту. Если она снова поедет за подтверждением, которое снимет её ответственность, поездка повторит прежнюю ошибку в иной форме. Но если не поедет, Элиза так и не услышит от неё, что именно прозвучало по-русски после ясного французского отказа.

Теперь Элиза сидела напротив и ждала ответа.

— Я сказала: ей тяжело, дайте ей время, — произнесла Ирина. — И потом допустила, что к вечеру она будет готова поговорить. Вы не говорили ничего подобного.

Элиза долго смотрела на неё. За стеной раздался короткий стук — Ноэми закрыла шкафчик, затем включилась вода.

— Зачем? — спросила хозяйка.

Ирина приготовила за семь лет множество ответов. Потому что боялась ссоры. Потому что хотела сделать работу хорошо. Потому что Дмитрий выглядел несчастным. Потому что французский отказ показался ей слишком грубым для русских ушей. Ни один не отменял простого: она решила изменить смысл.

— Я подумала, что так будет спокойнее, — сказала она. — Что не нужно передавать человеку отказ в такой резкой форме.

— Он был резким?

— Он был ясным.

Элиза опустила глаза на собственные руки. Её пальцы были сухими, вокруг ногтей виднелись следы садовой земли.

— Анна очень старалась объяснить мне, чего хочет, — проговорила она. — У неё хватало французского, чтобы заказать еду и рассказать, в каком городе живёт. Для этой просьбы она выбирала слова долго. Я спрашивала её несколько раз, потому что не хотела ошибиться. А потом вы решили, что её ответ можно сделать приятнее.

Ирина слушала, не перебивая. Это были не новые факты. Но впервые она представляла, что ясная фраза могла быть результатом другого трудного разговора, который состоялся ещё до телефонного звонка. Для Ирины отказ был двумя короткими предложениями. Для Анны, возможно, целым усилием.

— Да, — сказала она.

Элиза не подняла голоса.

— Она сердилась, когда я передвигала её вещи, — вдруг произнесла хозяйка. — Говорила, что если чашка стоит на неправильном месте, это ещё не повод переставлять её без разрешения. Мне казалось смешным, что можно так переживать из-за чашки. Она говорила совершенно серьёзно, а через минуту сама над собой смеялась.

Ирина не ожидала услышать об Анне ничего такого. В её памяти погибшая почти не имела привычек: имя, профессия, номер комнаты, отказ, лестница. Всё остальное она бессознательно убрала, чтобы сосредоточиться на собственном поступке.

— Она занималась керамикой? — осторожно спросила Ирина. Когда-то Дмитрий упоминал мастерскую.

— Да. Показывала мне фотографию миски, которая треснула при обжиге. Говорила, что из неё получится лучший цветочный горшок на свете, если не притворяться, будто трещины нет. Не знаю, насколько хороший вышел бы горшок. Она любила спорить из-за нелепых вещей.

Элиза резко поднялась.

— Простите. Я не хотела сейчас разговаривать об этом.

— Вы спросили, помню ли я слова. Я должна была ответить давно.

— Должны были, — согласилась хозяйка. — Но не сегодня их менять уже поздно.

На столе перед Элизой стоял сахар в открытой фарфоровой миске. Хозяйка дважды попыталась прикрыть её крышкой и оба раза останавливалась, заметив, что ручка у крышки отколота. Ирина смотрела на эту маленькую неоконченную работу, потому что смотреть прямо на женщину было трудно.

— Я не приехала просить вас сказать, что всё было не так страшно, — произнесла она наконец. — Вы не обязаны меня утешать.

Элиза отодвинула миску.

— А чего вы ждёте? — спросила она.

Ирина приготовила несколько честных ответов и теперь не была уверена ни в одном. Сказать «извиниться» было бы правильно, но этого слова для происходящего оказалось мало. Она хотела узнать, что произошло после звонка. Хотела, чтобы Элиза признала: один перевод не мог заставить взрослого мужчину приехать. Хотела, чтобы Дмитрий подтвердил, что не получил разрешения. И одновременно боялась такого подтверждения: тогда пришлось бы оставить рядом две правды, не отменявшие друг друга.

— В тот день я подумала, что, если он услышит прямой запрет, разговор станет опаснее, — сказала Ирина. — Не потому, что вы просили меня его скрыть. Это я решила. Я боялась резкости. Мне казалось, можно дать всем несколько часов.

— Несколько часов для чего?

— Чтобы успокоиться.

— Ей не требовалось несколько часов, чтобы решить, с кем говорить.

Ирина кивнула. Элиза не повысила голоса, но в её коротком вопросе прозвучало больше раздражения, чем во многих обвинениях Дмитрия. Хозяйка не собиралась обсуждать качество перевода как недоразумение между специалистами. Для неё за словами стоял человек, которому уже хватило сил попросить оставить его в покое.

— Я слышала у вас тогда очень спокойный голос, — сказала Элиза. — И подумала, что, если мы договорились с переводчицей, это значит, он тоже поймёт.

— Вы не могли знать, что я сказала ему.

— Не могла. Но я услышала, как вы поблагодарили меня. И поверила, что сделала всё, о чём Анна просила.

Обе замолчали не из-за недостатка слов. Ирина впервые представила, что в той же самой паузе, которую она вспоминала как собственный выбор, другая женщина услышала окончание трудного дела. Элиза повесила трубку и пошла заниматься гостиницей, полагая, что ясно передала простую просьбу. А Ирина продолжила разговор с человеком, которого хозяйка не слышала.

— Я должна была связаться с вами позже, — сказала Ирина. — Хотя бы когда узнала, что она погибла.

— Да, — ответила Элиза. — Хотя бы чтобы я знала, что он услышал.

Это не было прощением. Ирине показалось облегчением хотя бы то, что хозяйка не попыталась сделать из ответа что-нибудь утешительное.

Ирина могла бы сказать, что ей жаль. Она не сказала, потому что слышала, как в таком извинении уже готова спрятаться просьба о прощении. Элиза не обязана была её прощать, и уж тем более этого не могла сделать Анна.

Они прошли к стойке. На краю столешницы лежали папка с параметрами дома и две ручки. Элиза закрыла папку, хотя покупатель ещё не приехал. Потом поставила её ровно, совместив угол с краем дерева.

— Дмитрий знает, что вы были тогда переводчицей, — сказала Ирина.

— Конечно. Он знал, когда согласился приехать.

— Вы говорили ему, что собираетесь спрашивать о прошлом?

— Я не обещала, что мы будем говорить только о гостинице.

— Он может отказаться от встречи.

— Может. Вы тоже можете. Я это понимаю.

Но Элиза произнесла последнюю фразу тоном, который не предполагал, что кто-то действительно воспользуется возможностью уйти.

На улице заурчал двигатель. Из окна гостиной Ирина увидела тёмный автомобиль, оставившийся у ограды. Мужчина вышел, оглядел дом, проверил что-то в телефоне. Он был старше, чем на фотографии, присланной при заказе, плотнее в плечах. Его движения оставались деловитыми и уверенными: он не торопясь достал из машины лёгкую куртку и закрыл дверь.

Ирина ощутила, что ещё не закончила разговор с Элизой. Ей хотелось сказать одну вещь — не об ошибке, а о том, что никто не знает, чем завершилось бы то утро, если бы она перевела буквально. Но она не имела права превращать отсутствие уверенности в удобное оправдание.

— Я сегодня расскажу ему, что именно сказала, — произнесла она. — При вас. Не сейчас в дверях, а когда мы сможем поговорить.

Элиза кивнула, не выразив ни согласия, ни благодарности.

В холле прозвенел звонок. Хозяйка пошла открывать, а Ирина задержалась у стойки, глядя на ручки. Обе были совершенно исправны. Ей почему-то захотелось проверить их на бумаге.

— Ирина, — сказал знакомый русский голос за её спиной. — Вот уж действительно мир тесен.

Она обернулась. Дмитрий стоял рядом с Элизой и улыбался так, как улыбаются люди, встретив старого делового знакомого. Он протянул руку. Ирина пожала её, прежде чем успела решить, хочет ли делать это.

— Здравствуйте, Дмитрий.

— Сколько лет. Хорошо, что вы здесь. Надеюсь, на этот раз нам удастся всё друг другу объяснить.

ГЛАВА 4. ОСМОТР

Первые двадцать минут Дмитрий вёл себя так, как и должен вести себя человек, собирающийся купить небольшой отель. Он спросил про отопление, сезонную заполняемость и договоры с поставщиками, уточнил, сколько комнат можно использовать без ремонта. На слова Элизы о постоянных гостях заметил, что постоянные гости после смены владельца иногда перестают быть постоянными. Ирина перевела это без смягчения. Хозяйка согласилась, не обидевшись.

На слове «насос» Ирина запнулась, затем нашла нужное название. Дмитрий спросил, не сложная ли терминология.

— Нет. Просто у меня самой насос сломался. Всю неделю пытаюсь договориться о ремонте.

— Не греет?

— Пока греет. Течёт.

Он кивнул и вернулся к хозяйке, дожидавшейся перевода своего ответа.

Это было почти облегчением. Ирина ожидала от Дмитрия попытки с первых минут занять разговор прошлым, но он достал из кармана тонкий блокнот, начал записывать цифры и даже попросил не торопить Элизу с ответом. Его внимание к деловым деталям выглядело не театральным. На вопрос, намерен ли он сам управлять гостиницей, он ответил, что пока обсуждает возможность нанять управляющего, но сначала нужно понять экономику. После перевода Элиза сказала, что управляющий здесь не должен жить в другом городе, иначе мелочи будут решаться по телефону слишком поздно.

— Она знает, о чём говорит, — заметил Дмитрий. — У меня похожая проблема с людьми на расстоянии.

— Вы согласны? — уточнила Ирина.

— С тем, что на месте должен быть человек, да. С тем, что надо обязательно жить здесь, пока не знаю.

Ноэми принесла из подсобки тяжёлую коробку с запасными абажурами. Остановилась в дверях, оценивая расстояние до шкафа, куда их требовалось убрать. Дмитрий без просьбы встал, подошёл и показал на коробку. Ноэми ответила коротким французским «спасибо» и передала её. Он поднял коробку с видимым усилием, поставил на нижнюю полку, затем отступил, не ожидая благодарности через переводчицу. Элиза сказала, что давно нужно было освободить проход.

Ноэми поблагодарила Дмитрия ещё раз, уже из коридора. Он не услышал её слов, зато, обернувшись на голос, коротко кивнул.

Они прошли по комнатам. В одной стояли две узкие кровати, в другой — широкая, с аккуратно отутюженным покрывалом. Дмитрий попросил открыть шкаф, проверил окна, заметил трещину в плитке ванной. Элиза прямо сказала, что трещина косметическая и плитку не меняли, чтобы не трогать соседние. Ирина с удивлением обнаружила, что почти не нужно вмешиваться: люди честно обсуждали плохую плитку, старый пол и расход электричества. Для разговоров о реальных вещах им хватало её обычной работы.

У верхнего выхода во двор Дмитрий впервые изменился. Ирина увидела, как он замедлил шаг, когда Элиза показала на стеклянную дверь. Она уже собиралась объяснить, куда ведёт лестница, но он перебил:

— Я сюда не пойду. Здесь ступени мокрые.

— Мы можем показать с другой стороны, — сказала Ирина и передала Элизе его просьбу.

— Они безопасны, — ответила хозяйка. — Перила крепкие. Можно спуститься и выйти прямо к парковке.

Дмитрий посмотрел на свои ботинки, чистые, с гладкой подошвой.

— У меня не та обувь. Не вижу смысла рисковать.

Ирина перевела. Элиза молча открыла дверь, выпуская запах дождя. Площадка была широкой ровно настолько, чтобы двум людям разойтись, если один не останавливает другого. Внизу куст сирени закрывал часть стены. На влажных ступенях светлели следы недавно вытертой воды. Элиза простояла там несколько секунд, затем закрыла дверь.

— Сюда можно подняться из сада, — сообщила она. — Иногда гостям удобнее. Летом здесь приятно сидеть вечером.

Дмитрий не спросил, где именно упала Анна. Он и так знал место. Ирина почувствовала укол, когда подумала, что раньше приписала бы отказ идти наружу исключительно чувству вины. Теперь она не была уверена. Страх мог быть перед памятью, перед обвинением, перед собственными руками или просто перед встречей с местом чужой смерти. Никакой вывод не вытекал из того, как человек посмотрел на мокрую древесину.

Внизу Ноэми напонила о мастере: он должен был прийти к половине второго и пока задерживался. За оградой проехала машина; на кухне работало радио. Дмитрий спросил, бывает ли здесь шумно ночью. Элиза ответила, что зимой слышен ветер со стороны холма, но грузовики на эту улицу почти не заезжают.

— А персонал? — спросил Дмитрий. — Сколько человек работало в прошлом сезоне?

Элиза перечислила сотрудников. Ноэми помогала с уборкой и завтраками, на выходные иногда приглашали ещё одного работника, в разгар сезона — сезонного администратора. Она делала большую часть дел сама, чего уже не хотела скрывать.

Дмитрий попросил ещё раз показать комнату возле наружной лестницы. Элиза ответила не сразу. Потом достала из кармана ключ с синей птицей на деревянной бирке.

— Я её уже видела, — сказала Ирина.

— Я знаю. Он не видел.

Они поднялись по внутренней лестнице. Дмитрий держался на ступень позади, и Ирине всё время хотелось обернуться: не отстал ли. У двери он вдруг остановился.

— А вы не можете просто открыть? — спросил он. — Без рассказа о том, что здесь было.

Ирина перевела. Элиза вставила ключ и толкнула дверь.

В комнате пахло краской и сухим деревом. Две кровати были сдвинуты вместе, над изголовьем висела дешёвая репродукция с лодками. На подоконнике лежал деревянный брусок, которым подпирали створку. Дмитрий посмотрел сначала на него, потом на кровати.

— Всё другое, — сказал он.

— Здесь останавливались люди. Нельзя было оставить комнату такой.

— Я не говорю, что нельзя.

Но, получив перевод, Дмитрий всё же прошёл между кроватями, прикинул расстояние до двери, тронул штору. Никакой вещи Анны здесь не осталось. Ирина смотрела на его спину и думала, что семь лет представляла эту комнату пустой.

Элиза открыла шкаф. Внутри лежало запасное одеяло и стояли две вешалки.

— В прошлом году здесь жили молодожёны. Им не понравились отдельные кровати. Мы с Ноэми сдвигали их, а они сами уехали через два дня: поссорились.

Дмитрий коротко засмеялся, когда Ирина перевела. Элиза посмотрела на него настороженно.

— Простите, — сказал он. — Не над этим. Я тоже хотел бы сейчас спросить, можно ли сдвинуть кровати. Или почему шторы другие. Нормальный вопрос задать.

Ирина передала. Хозяйка отступила от шкафа, освобождая ему место.

— Шторы заменили, потому что старые выгорели. И здесь станет темнее, если закрыть ставни. Пусть попробует.

Дмитрий подошёл к окну. Створка подалась туго, брусок упал на пол. Он нагнулся и неожиданно долго оставался внизу, опираясь ладонью о колено. Ирина уже открыла рот, чтобы спросить, нужна ли помощь, но он выпрямился с бруском в руке.

— Вы знали, где лежит её сумка? — спросил он хозяйку через Ирину. — Тогда.

— На стуле. Или у кровати. Я не помню.

— Я тоже не помню, — сказал он. — А мне всё кажется, должен.

Элиза забрала брусок и поставила на подоконник. Дмитрий ждал. Она не стала помогать ему вспоминать.

У выхода он задержал взгляд на синей птице, нарисованной на ключе.

— Анна?

Элиза кивнула. Ирина повторила это по-русски, хотя он уже понял.

— Можно сфотографировать?

Хозяйка протянула ключ на ладони. Дмитрий навёл телефон, но не снял. Посмотрел поверх экрана на Элизу, потом опустил аппарат.

— Не надо. Простите.

Он вышел первым. Элиза осталась запирать комнату. Ключ не попадал в скважину, и Ирина осторожно придержала дверь, чтобы та не двигалась.

— Не потому, что ему всё равно, — сказала хозяйка по-французски. — Я это понимаю.

Снизу Дмитрий позвал Ирину: он хотел узнать, сколько комнат выходит на дорогу. Она отозвалась и пошла за ним. Элиза ещё раз повернула ключ, проверяя замок.

Внизу Дмитрий открыл свой блокнот. На странице оставались три числа, записанные в начале осмотра. Он спросил о расходах на отопление; Элиза назвала сумму, а затем поправилась: это за полгода, не за год. Ирина повторила обе цифры. Дмитрий зачеркнул первую и попросил воды.

Дмитрий поставил стакан на стол, чтобы освободить руки, и достал из внутреннего кармана сложенный лист. Ирина уже потянулась за ним, но он не отдал.

— Это пока не для перевода. Я сам не знаю, буду ли делать.

На листе был напечатан фасад гостиницы — та же фотография, которую Ирина видела в объявлении. Над входом поверх старой вывески кто-то добавил короткое женское имя. Кириллических букв не было, но Ирина узнала его сразу.

— Вы хотите переименовать?

— Если куплю. Пока только думал. Место хорошее, название у него никакое.

Элиза обошла кресло и остановилась рядом с ними. Дмитрий сложил лист, но не настолько быстро, чтобы она ничего не успела заметить.

— Что это? — спросила хозяйка.

— Покажите, — сказала Ирина Дмитрию. — Она увидела.

— Так я же не прячу.

Он развернул фотографию и протянул Элизе. Та взяла лист за самый край, как брала до этого план с отмеченными размерами комнат. Несколько секунд разглядывала. Потом перевернула: на обороте ничего не оказалось.

— Это он придумал?

— Да.

— И что здесь будут делать?

Дмитрий, получив перевод, нахмурился.

— Гостиница останется гостиницей. Я не собираюсь делать музей.

Элиза поднесла фотографию ближе к окну. Ирина ждала отказа, резкой фразы о том, что он не имеет права. Вместо этого хозяйка сказала:

— Буквы будут плохо видны. Там навес. Нужно либо ниже, либо совсем в другом месте.

Дмитрий посмотрел на неё, потом на Ирину, проверяя перевод.

— Она про вывеску?

— Да.

— Можно переделать навес.

— Тогда зимой будет заливать ступеньку, — ответила Элиза. — Уже пробовали.

Она положила лист на стол. Прижала угол стаканом, чтобы фотография не свернулась. Имя осталось посередине, над крошечной дверью.

— Я думал, ей бы понравилось, — сказал Дмитрий.

Ирина перевела. Хозяйка потёрла переносицу.

— Она говорила, что хотела открыть гостиницу?

— Нет. Мы обсуждали мастерскую с местом для гостей. Чтобы люди могли приехать на несколько дней и поработать. Не здесь. Вообще.

— Это она хотела?

Он ответил не сразу.

— Я предлагал. Она говорила, что тогда всё время уйдёт на гостей, а не на работу. Но ей нравились такие места.

За дверью что-то тяжёлое проехало по плитке. Ноэми перевозила коробки, и одно колесо тележки выстукивало каждый шов. Дмитрий прислушался, словно звук мог закончить разговор вместо него.

— Я не спрашивал вас, можно ли мне назвать гостиницу, — произнёс он наконец. — Просто показал.

— Нет, — ответила Элиза после перевода. — Не спрашивал. И я не говорила, что нельзя.

Она достала стакан, удерживавший фотографию, и сделала глоток из него. Заметив, что это стакан гостя, извинилась. Дмитрий махнул рукой: неважно.

— У меня осталось много фотографий, — продолжил он. — На телефоне, на компьютере. Всё время думаю, надо куда-нибудь собрать. А потом открываю, и там она всё время моложе меня. Когда имя на здании — не нужно открывать.

Он усмехнулся, не дожидаясь, пока Ирина закончит перевод.

— Глупость сказал. Сотрите последнюю часть.

— Я уже передала.

Элиза смотрела на напечатанное имя. Потом подняла фотографию и вернула ему.

— Я бы не смогла отвечать по телефону, — сказала она. — Каждый раз произносить. Люди будут звонить, спрашивать про завтрак, про собаку. Нужно будет просто отвечать.

— Вас же не заставляют здесь работать.

Получилось резко. Дмитрий услышал это сам: отвёл глаза и добавил, что говорил о возможности, а не о том, чтобы выгнать её. Ирина перевела обе фразы. Элиза сняла очки, висевшие у неё на шнурке, и долго протирала стёкла краем кофты.

— Я понимаю, — сказала она. — Если продам, здесь многое будет не по-моему. Я сама позвала покупателя.

Дмитрий сложил фотографию по старому сгибу. Он уже почти убрал её, когда хозяйка попросила посмотреть ещё раз.

Ирина отступила, освобождая ей место. Снаружи было видно настоящее крыльцо. Между ним и картинкой почти не было разницы: на фотографии ещё зеленели листья, а теперь сирень стояла голая.

— Мне не нравится, что это красиво, — произнесла Элиза.

Ирина переспросила. Хозяйка повторила теми же словами. Дмитрий слушал перевод, держа фотографию перед собой.

— Я хотел, чтобы было красиво, — сказал он. — Не назло вам.

— Я знаю.

Она вернула лист. Дмитрий убрал его во внутренний карман, не скомкав. Ирина ожидала, что он предложит выбросить, пообещает отказаться от замысла. Он только спросил, можно ли потом сфотографировать навес снизу. Ему нужно было понять, что там действительно нельзя менять.

Элиза кивнула. Но, когда он поднялся, попросила сперва допить воду. Она уже взяла второй стакан и держала его так, что пришлось бы поставить обратно, если он откажется. Дмитрий сел, хотя пить больше не стал. Ирина видела край сложенной фотографии, высовывавшийся из кармана. Он заметил её взгляд и поправил куртку.

Когда они снова спустились на первый этаж, возле служебного входа кто-то негромко постучал. Ноэми выглянула из кухни и объявила, что пришёл мастер по оконному уплотнителю. Элиза поморщилась: о визите предупредили заранее, но она успела о нём забыть. Дмитрий закрыл блокнот, словно получил неожиданную возможность проверить не только состояние дома, но и то, как им управляют.

Мастер был невысоким, одетым в синюю рабочую куртку. Он поздоровался, вынул из кармана маленькую металлическую рулетку и попросил показать окно. Ничего необычного: резина отошла в одном углу, после дождя на подоконнике оставалась влажная полоса. Ноэми держала створку, пока он осторожно проверял раму. Элиза стояла рядом и перечисляла всё, что уже пыталась сделать сама.

— Если хотите, сейчас закреплю, — сказал мастер. — Но это временно. Лучше заменить всю полосу, тогда не придётся возвращаться зимой.

— Временное не нужно, — ответила Элиза. — Я не хочу показывать покупателю исправленное на один день окно.

Она произнесла это при Дмитрие и вопросительно посмотрела на Ирину. Та перевела без пояснения, что хозяйка особенно честна. Дмитрий приблизился, попросил открыть створку и сам провёл пальцем вдоль щели. Он не стал изображать специалиста; спросил только, насколько долго можно пользоваться окном до ремонта.

Мастер назвал срок приблизительно и уточнил, что в таком виде окно лучше не оставлять на всю зиму. Дмитрий попросил Ирину передать: он готов вернуться к вопросу, когда увидит цену работы. Элиза согласилась. Мастер записал размеры на обычном листке из блокнота и обещал позвонить в понедельник. Разговор занял меньше десяти минут. Никому не пришлось доказывать, что он хороший человек; достаточно было признать, что окно требует ремонта.

Когда мастер ушёл, Элиза открыла кран, чтобы сполоснуть руки. Вода ударила по дну мойки слишком громко. Она уменьшила напор и сказала:

— Видите, какой это дом. Иногда я думаю, что не продаю гостиницу, а передаю следующему человеку список бесконечных мелких поломок.

Ирина передала фразу. Дмитрий, всё ещё стоявший у окна, ответил:

— В каждом здании такой список. Я не боюсь расходов, о которых мне сообщают до покупки. Хуже, когда потом выясняется, что все надеялись, будто я сам догадаюсь.

Элиза выслушала перевод и впервые за время осмотра улыбнулась ему без настороженности. Улыбка быстро исчезла, но Ирина успела заметить, как она изменила лицо хозяйки. На секунду перед ней находились действительно продавец и покупатель — два человека, которым полезна точность и которые пока способны вынести неприятный ответ.

— Я продаю дом ещё и потому, что не хочу однажды начать ненавидеть его, — сказала она.

После перевода Дмитрий поднял глаза от блокнота. Он мог бы пошутить об усталости владельца, но не стал.

— Понимаю, — ответил он.

Тон оказался настолько серьёзным, что Элиза спросила Ирину, что именно он сказал. Ирина повторила. Хозяйка не продолжила тему.

Около половины третьего они вернулись в гостиную. Ноэми поставила воду, оставила печенье и напомнила Элизе о звонке поставщику. Дмитрий проверил телефон: его ждал разговор по работе, и он попросил десять минут. Элиза согласилась. Он вышел в сад, чтобы не мешать, но прежде задержался в дверях.

— Один вопрос, пока мы все здесь, — произнёс он. — Если я покупаю здание, что входит в стоимость? Мебель, оборудование, всё, что внутри?

Ирина передала вопрос. Элиза ответила, что часть мебели входит, часть семейных вещей и некоторые светильники останутся у неё; подробный перечень составят отдельно.

— Я не только про мебель, — сказал Дмитрий.

Он посмотрел не на Элизу, а на Ирину. Ей пришлось спросить, что он имеет в виду.

— Если покупать такой дом, — произнёс он после паузы, — покупаешь ведь и его историю? Или это тоже можно оставить прежнему хозяину?

Ирина ощутила, как между вопросом о светильниках и новым вопросом образовалась пустота. Элиза ждала перевода. Она не понимала русских слов, но видела, что мужчина перестал смотреть на бумаги.

— Он спрашивает, — аккуратно начала Ирина, — может ли новый владелец отделить прошлое дома от права собственности на него.

Это было не дословно. Она заметила собственную попытку сделать неприятную фразу понятнее и остановилась.

— Вернее: он спросил, покупает ли вместе с домом его историю. И можно ли оставить её вам.

Элиза выслушала, слегка наклонив голову.

— Скажите ему, что некоторые вещи нельзя включить в договор и нельзя из него исключить.

Ирина перевела. Дмитрий коротко кивнул, будто получил ответ по существу, и вышел с телефоном во двор. Элиза смотрела вслед ему до тех пор, пока дверь не закрылась.

ГЛАВА 5. НЕ МЕНЯЙТЕ ЛИЦА

В саду Дмитрий ходил вдоль гравийной дорожки, прижав телефон к уху. Сквозь окно было видно, как он останавливается, слушает и отрывисто отвечает, иногда поднимая свободную ладонь, хотя собеседник не мог этого видеть. От дома его отделяли столовая и двор, но не такая дистанция, на которой можно было считать разговор совсем закрытым.

Элиза попросила Ирину пройти на кухню. Она говорила о кофе: свежий ещё не сварен, машина работает медленно, а в чайнике уже есть вода. Ирина последовала за ней, не зная, насколько хозяйке на самом деле нужен кофе.

На кухне всё было разложено по привычным местам. Полотенца висели ровно, у мойки сохли тарелки, холодильник гудел настолько тихо, что слышно было шаги Ноэми этажом выше. Элиза поставила чашки и вдруг сказала:

— Не меняйте выражение лица. Мне нужна помощь.

По-французски это прозвучало так тихо, что Ирина сначала решила, будто не расслышала. «Ne changez pas d'expression. J'ai besoin d'aide».

— Какая помощь? — спросила она обычным голосом. — Вы боитесь, что он причинит вам вред сейчас?

— Я боюсь остаться с ним одна.

— Тогда мы можем прекратить встречу. Я скажу, что переговоры закончены. Если есть непосредственная угроза, мы можем позвать кого-нибудь.

Элиза отрицательно покачала головой.

— Нет. Пока он ничего не сделал. Он приехал по моему приглашению. Но я думала, что смогу говорить спокойнее.

— Хотите, чтобы Ноэми осталась рядом?

— Она здесь до половины пятого. Я не собираюсь задерживать её из-за своих страхов. А вы говорите на двух языках. Если он начнёт объяснять мне, что я неверно всё поняла, вы будете слышать, что он говорит.

— Я всегда передаю его слова точно.

— Я знаю, что вы говорите сейчас. Я не знаю, как будет, когда он рассердится.

Ирина почувствовала, что это обвинение касается не сегодняшней работы. В нём не было ни громкости, ни злобы, зато было семь лет ожидания. Ирина могла возразить, что уже изменила методы, что тогда совершила ошибку, а теперь в курсе профессиональных стандартов. Вместо этого спросила:

— Вам нужно, чтобы я сидела рядом как переводчица или как человек, которого вы просите защитить вас?

Элиза долго не отвечала.

— Я пока не знаю, — наконец сказала она. — Разве вы никогда не соглашались на встречу, а потом не жалели об этом?

Ирина посмотрела на гладкую поверхность кофемашины, в которой отражалось окно. Она могла бы сказать «да» от своего имени. Но разговор неожиданно превратился в проверку лояльности, и ей не хотелось занимать сторону раньше, чем она поймёт ситуацию.

— Сказать ему, что вы боитесь? — спросила она.

— Пока нет. Побудьте здесь. Я хочу услышать, чего он добивается. Потом решу.

Элиза подняла чашку, налила воду и поставила её на поднос. Пальцы у неё дрожали. Ирина взяла поднос, хотя хозяйка не просила: ещё немного, и блюдце зазвенело бы о край чашки.

— Я хочу, чтобы он ответил, — сказала Элиза. — Я столько раз начинала этот разговор одна. Здесь, на кухне. Пока мою чашки.

Она взяла ложку и постучала ею о край подноса, подбирая слова.

— Спрашиваю его: зачем вы приехали? Потом отвечаю за него. Что не знал, что боялся, что надеялся. Я ведь помню, как он говорит. И у меня всякий раз выходит, что он прав. Самой себе не удаётся задать вопрос, на который он не ответит.

— Вы можете сейчас спросить.

— Без вас не могу.

Из сада донёсся голос Дмитрия. Он рассмеялся в трубку и повернулся к дому. Элиза перестала стучать ложкой.

— Я согласилась, чтобы он приехал. Когда вы пишете человеку, у вас есть время. Можно стереть. А он вошёл — и я опять хочу пойти проверить, всё ли у него есть.

Она подвинула на поднос сахарницу, но сразу забрала обратно.

— Не кладёт сахар. Я помню.

Ирина не знала этого о Дмитрии. Элиза знала. Он приезжал сюда с женой, пил кофе, оставлял куртку у входа. Ирина всё время забывала, что для хозяйки он не возник из одного страшного вечера.

— Если вам нужно, я побуду здесь, — сказала она. — Сейчас. Не обещаю остаться до любого ответа.

Элиза кивнула.

— Это вы мне говорите или будете говорить ему?

— Вам.

— Хорошо.

Они ещё не сдвинулись с места, когда во двор открылась дверь. Ирина увидела Дмитрия за стеклом кухонного окна. Он поднял пустую чашку и что-то спросил по-русски. Элиза отступила к мойке так резко, что локтем задела кран.

— Кофе можно? — повторил Дмитрий.

Ирина открыла дверь. Он показал на чашку; хозяйка поняла жест и потянулась к кофемашине.

— Я налью, — сказала Ирина по-французски.

Дмитрий заметил воду на рукаве Элизы.

— Я напугал её? Передайте, что не хотел. Дверь была открыта.

Пока Ирина переводила, он уже пятился во двор, оставляя чашку на подоконнике. Элиза сказала ему что-то короткое. Он остановился и посмотрел на Ирину.

— Она говорит, что сама пригласила вас в дом.

— Я слышал, — ответил он. — Вчера ещё.

Он не мог слышать нынешних французских слов. Ирина не стала его поправлять: он говорил о приглашении. Дмитрий закрыл дверь снаружи, очень осторожно, чтобы не хлопнула.

Элиза включила воду и подставила под струю ложку, которую всё это время держала в руке. Ирина ждала, пока хозяйка повернётся. Та не поворачивалась.

— Пойдёмте, — наконец сказала она. — А то мы опять говорим о нём без него.

Ноэми выглянула из коридора и спросила, не оставить ли открытой дверь между гостиной и холлом: иначе с кухни будет слышно меньше, когда позовут. Элиза согласилась. Ирина посмотрела на светлое пространство за проёмом, на стойку и прямую линию к входу. Если переговоры сорвутся, здесь легко будет выйти. Если понадобится помощь, на улице были люди. Она не видела оснований превращать обычную встречу в опасность, которой ещё не существовало.

— Вы можете сидеть у окна, — предложила Элиза. — Там больше света для записей.

— Я останусь за столом. Так удобнее видеть обоих.

Хозяйка переставила чашку без спора. Затем сказала неожиданно сухо:

— Вы, наверное, считаете меня глупой старухой. Пригласила человека, которого боюсь, а теперь прошу другого человека не уходить.

— Я считаю, что вам не нужно продолжать, если вы не хотите.

— Я хочу. Просто не хочу оставаться с ним наедине.

В гостиной Дмитрий поднялся, предлагая Ирине кресло с высокой спинкой. Она отказалась и села так, чтобы видеть обоих. Элиза разместилась напротив, лицом к выходу; подушка смялась у неё на коленях.

Дмитрий извинился за задержку и спросил, продолжают ли они осмотр. Ирина перевела вопрос. Элиза сказала:

— Я боюсь оставаться с ним одна. Я хотела бы, чтобы вы пока не уходили.

Ирина начала переводить и почти не заметила, как заменила первую часть второй:

— Она хотела бы, чтобы я пока осталась и помогла с разговором.

Дмитрий слегка поднял брови.

— Разве вы собирались уезжать?

— Нет. Я работаю до восьми, как договаривались.

Он пожал плечами и потянулся за чашкой. Элиза, не понимая русских слов, смотрела на Ирину. Она уловила имя и непривычно короткую продолжительность ответа. Ирина на мгновение захотела исправиться, но Дмитрий уже рассказывал, почему предпочёл бы изучить показатели загрузки по месяцам.

Она убедила себя, что Элиза сама попросила пока не сообщать о страхе. Однако это был другой разговор, состоявшийся на кухне. Сейчас хозяйка выразилась прямо. Ирина не уточнила, сохраняет ли она просьбу о молчании; она просто выбрала более безопасную, с её точки зрения, фразу.

Ноэми внесла чистый поднос, и Ирина попросила короткий перерыв для записи цифр. В гостиной было слышно, как в холле мелко стучат часы. Элиза повернулась к окну. Дмитрий изучал страницу с расходами, проводя ногтем по длинным колонкам, словно искал не ошибку, а место, где можно начать новый разговор.

Ирина вышла к раковине. Она налила себе воды и обнаружила, что выпила её так быстро, что не почувствовала вкуса. Из дверного проёма Ноэми спросила, не болит ли у неё голова. Ирина ответила, что просто устала после дороги.

— Не надо делать всё сразу, — сказала помощница. — Мадам всегда считает, что если человек уже здесь, значит, он может закончить все дела до вечера. Я ей тоже говорю: завтра существует.

Ноэми достала из шкафа стакан. Увидев, что он с трещиной, поставила его отдельно.

— На выброс? — спросила Ирина.

— На решение мадам. Если я выброшу сама, она три дня будет спрашивать, не стоит ли склеить.

В ту же минуту вошла Элиза. Она заметила стакан, взяла его и, не раздумывая, отправила в мусорную корзину.

— Чтобы ты не порезалась, — сказала она. — Завтра купим новые.

Вернувшись в гостиную, Ирина оглядела расположение кресел. Дверь в холл была открыта, а от её места до выхода не требовалось проходить мимо Дмитрия. Заметив это, она испытала неловкость: ещё час назад считала, что просто помогает вести переговоры. Теперь проверяла возможности ухода. И всё же никакой непосредственной угрозы не было. На столе лежали бумаги и ключи от комнат, на крыльце остановился курьер с пакетом средств для уборки. Ноэми вышла расписаться за доставку. Снаружи разговаривали, в саду проехал велосипедист.

Во время обсуждения Дмитрий задавал обычные вопросы. Он хотел знать, насколько быстро можно будет возобновить приём гостей, сколько будет стоить привести сад в порядок,

почему закрыли одну из комнат. Элиза отвечала уверенно. Иногда она останавливалась после каждого предложения и смотрела на Ирину так внимательно, словно пыталась увидеть уже произнесённые русские слова по движению губ.

Дмитрий предложил провести отдельную проверку отопления до подписания каких-либо обязательств. Хозяйка согласилась и назвала мастера, который мог прийти в понедельник. Ирина перевела согласие, а затем уточнила, что речь идёт только о проверке, а не о согласованной покупке. Дмитрий чуть усмехнулся:

— Вы сегодня очень осторожны.

— Работаю, — ответила она.

За большим окном тучи разошлись, на мокрой садовой дорожке появились светлые пятна. Дмитрий сообщил, что вечером у него ещё один деловой звонок, и попросил закончить первый этап не позже восьми. Элиза сказала, что торопить его никто не собирается. Ирина перевела это буквально. Хозяйка зафиксировала на ней взгляд, как будто от одной интонации зависело, не останется ли Дмитрий навсегда хозяином положения.

Около трёх Ноэми принесла лист с расходами на прачечную. Элиза поблагодарила её и тут же попросила пересчитать одну колонку. Ноэми вздохнула, села за стол в стороне и начала проверять цифры. Её присутствие оказалось полезным: три человека на время снова стали всего лишь участниками переговоров о гостинице.

Ирина подняла со стола упавшую скрепку. Когда выпрямилась, заметила, что Элиза смотрит не на Дмитрия, который в это время объяснял свои сомнения, а на рот переводчицы. И не расслабляется после того, как произнесённая им фраза становится понятной. Она ждёт, с каким именно смыслом Ирина её передаст.

— Мне нужно, чтобы вы ничего не сглаживали, — неожиданно произнесла она по-французски, обращаясь к хозяйке и перебивая собственную внутреннюю мысль. — Если вы хотите, чтобы он что-то узнал, скажите это прямо. И я переведу.

Элиза посмотрела на неё с такой ясной обидой, что Ирина пожалела о тоне. Но не о словах.

— Я ничего не скрываю, — ответила хозяйка. — Я просто хочу дожить до конца этой встречи.

Она вернулась к бумагам, закрыв разговор. Ирина перевела Дмитрию очередную цифру, но удержала в памяти оба предложения. Хозяйка боялась человека, которого сама пригласила. И следила за тем, что именно он услышит от переводчицы.

ГЛАВА 6. ОНА УЖЕ ПОПРОСИЛА

Пока Элиза искала план здания, Дмитрий остановился у стойки. Ирина собиралась пройти в гостиную, но он поднял телефон, показывая местный номер, который ему только что продиктовали.

Французский автомат отвечал слишком быстро. Дмитрий попросил объяснить последнее сообщение; выяснилось, что ремонтная фирма не принимает заявки на выходные. Он отключил вызов.

— Вот и всё моё знание французского, — сказал он. — Машина умеет больше. Но когда надо сказать не то слово, никакая машина не подскажет, что собеседник под ним понимает.

Дмитрий отступил, пропуская курьера с коробкой, и придержал входную дверь. Дождавшись, пока тот пройдёт на кухню, повернулся к Ирине.

— Она уже попросила вас ей помочь? — спросил он по-русски.

Вопрос был задан без ухмылки, даже без любопытства. Дмитрий произнёс его с усталостью человека, который заранее знает содержание неприятного разговора.

— О чём вы?

— Не делайте вид, что не понимаете. Элиза считает меня опасным. Если бы вы приехали первой, она обязательно постаралась бы вас предупредить.

Ирина почувствовала горячее раздражение — не столько от его самоуверенности, сколько от точности. Он не слышал французской просьбы, не мог её понять. Но вопрос всё равно совпал с тем, что произошло у кофемашины.

— Частные слова хозяйки я вам пересказывать не буду, — ответила она.

— Значит, успела.

— Это не ответ на ваш вопрос.

— Для меня ответ. Она семь лет говорит, что я убил Анну. Можете представить, что происходит в голове у человека, который семь лет повторяет одну и ту же фразу? Все обстоятельства со временем начинают подходить под неё.

— Вы приехали по её приглашению.

— Именно. Я приехал посмотреть гостиницу. Она её продаёт, я могу купить. Не понимаю, почему мне заранее надо оправдываться за то, что произошло давно.

Ирина не стала произносить, что разговор о давнем случился вовсе не заранее: они уже побывали на лестнице, он уже спросил, переходит ли история вместе с домом. Дмитрий сам понимал, что деловая цель была лишь одной из причин приезда.

— Вы знали, кто будет переводить, — напомнила она.

— Конечно, знал. Думаете, во Франции трудно найти человека, который говорит по-русски? — Он прислонился к краю стойки, но сразу отступил, увидев, что она тоже сделала шаг назад. — Простите. Я не хочу на вас давить. Мне важно, чтобы вы услышали мою сторону.

— Я слышу обе, когда работаю.

— Вот именно. Тогда вы были на проводе. Вы помните свои слова. Элиза их не слышала. Она до сих пор уверена, что я проигнорировал её прямой запрет.

Ирина посмотрела на него. Это был первый момент за день, когда ей захотелось отложить все правила профессионального нейтралитета и спросить: почему же он тогда не позвонил жене ещё раз? Почему он вообще считал, что отказ можно обсуждать через третье лицо до тех пор, пока не получится нужная формулировка?

Но она не задала ни одного вопроса. Он заметил её молчание и продолжил:

— Анна была взрослым человеком. Мы ссорились, да. Я не отрицаю. Но вы должны понимать: её отъезд был неожиданным. Она не объяснила мне, что именно хочет сделать, и

я пытался просто поговорить. Потом всё произошло настолько быстро, что я до сих пор не понимаю, как.

— Вы не обязаны убеждать меня сейчас.

— А кого? Элизу? Она и слушать не станет. Я с ней по-французски не говорю. Всё опять проходит через вас.

Эта последняя фраза выглядела почти разумным объяснением. Ирина ловила себя на желании ответить, что сделает всё возможное, чтобы обе стороны почувствовали себя услышанными. Она слишком хорошо знала, как потом такое обещание используют.

— Вы хотите, чтобы я передала вашу версию как ваш рассказ, — уточнила она, — или чтобы я подтвердила её?

Дмитрий несколько секунд молчал. Потом улыбнулся, но улыбка выглядела усталой.

— А разве вы не можете подтвердить то, что знаете?

— Я могу подтвердить свои слова. Я не присутствовала на лестнице.

— И никто не просит вас рассказывать, что вы там стояли. Я говорю о звонке.

Дмитрий снял плащ и повесил на свободный крючок. С другого соскользнул старый зонт. Ирина подхватила его прежде, чем он упал.

— Спасибо, — сказал Дмитрий.

Он потянулся взять зонт, но Ирина уже поставила его в подставку. Они оба сделали ненужное движение и отступили.

— Я всё время жду, что вы сейчас скажете за неё, — признался он. — Даже когда она не в комнате.

— Я этого не делаю.

— Вчера она написала мне через программу. Я прочёл и решил, что знаю, кто ей помог составить письмо. А потом увидел ваше имя в заказе. Вы помогали?

— Нет. До приглашения мы семь лет не разговаривали.

Он посмотрел на дверь кабинета.

— Я вам верю.

Ирина не ожидала, что он ответит без нового уточнения. Дмитрий коснулся пустого кармана плаща, проверяя, не оставил ли там телефон, и добавил:

— Не знаю, почему. Вам — верю. Хотя именно ваши слова всё время вспоминаю.

Дмитрий поправил манжету. На её внутренней стороне была небольшая нитка, и он долго пытался спрятать её под ткань. Его руки не дрожали. Он выглядел человеком, способным с вниманием заниматься самым незначительным неудобством и одновременно требовать от других немедленного ответа на невозможный вопрос.

— Я не приехал сюда, чтобы заставить вас выбирать между нами, — сказал он после паузы.

— Тогда не просите меня подтверждать вашу версию прежде, чем вы её скажете при Элизе.

— Вы уверены, что она захочет услышать?

— Это её решение. Я могу передать вопрос.

За дверью кабинета раздался стук выдвинутого ящика. Ирина понизила голос не для секретности, а чтобы разговор не превратился в выкрикивание позиций через весь холл.

— Тогда мы должны обсудить это при ней. При условии, что вы оба согласны. Иначе получится так, будто я отдельно обещаю каждому то, чего другой не услышит.

— Пожалуйста, — сказал Дмитрий. — Только пусть она сначала объяснит, что считает доказательством. Потому что у меня ощущение, что я приехал сюда не гостиницу смотреть, а выслушать приговор.

— Вы можете прекратить встречу.

— Могу. И уехать с тем же самым, с чем семь лет живу. Не самый хороший итог.

Из кабинета донёсся скрип ящика. Дмитрий понизил голос:

— Она скажет, что я выглядел спокойным. Вы уже слышали это?

Ирина промолчала.

— Я не умею иначе. Когда Анна умерла, я звонил её отцу. Первые два раза не мог набрать номер. Потом набрал и говорил так же, как с вами сейчас. Он решил, что мне всё равно. Я слышал по тому, как он отвечал.

Имя отца Ирина знала, но никогда с ним не разговаривала. Дмитрий не попросил подтвердить, что тот ошибался. Он смотрел в пол, и ей стало стыдно за то, как внимательно она искала на его лице признаки правильно выраженного горя.

— Я не могу знать, что он решил, — сказала она.

— Я тоже, наверное.

На несколько секунд Дмитрий замолчал. Затем поднял голову:

— Но если я сейчас сорвусь, она скажет: вот, я предупреждала. Что мне делать?

Ирина уже приготовила ответ — что нужно говорить прямо и не повышать голоса. Вместо этого спросила, хочет ли он сделать перерыв.

— Хочу, чтобы вы не боялись меня заранее.

Он сказал это тихо. Ирина услышала просьбу и сразу же почувствовала требование, спрятанное внутри неё: она должна была обеспечить ему то отношение, которое он считал справедливым.

— Я постараюсь слушать, — ответила она.

— Не то же самое, — сказал Дмитрий.

— Да.

Дверь кабинета открылась. Элиза стояла с планом здания и смотрела на них. Она не могла знать, о чём они говорили, но прежде, чем выйти, аккуратно закрыла за собой дверь.

Дмитрий немного отступил. Снаружи хлопнула калитка, кто-то остановился спросить у Ноэми дорогу. Он потянулся к креслу, но не сел. Дмитрий бросил взгляд на дверь кабинета и замолчал. Он явно хотел ещё что-то сказать, но решил дожидаться общего разговора. Ирина поправила ремень сумки на плече, как будто собиралась уходить, хотя до конца оплаченного времени оставалось несколько часов.

Элиза вернулась с планом здания. Она спросила, всё ли в порядке. Ирина ответила по-французски, что Дмитрий хотел обсудить цель встречи и что этот вопрос нужно поставить при всех. Хозяйка внимательно посмотрела на неё.

— Он говорил что-нибудь о том, чего я хочу?

— Он сказал, что боится, будто разговор о продаже превратится в обсуждение прошлого без его согласия. Я предложила говорить об этом открыто.

Ирина услышала собственный перевод сразу после того, как он прозвучал. Она не добавила Дмитриева обвинения в том, что Элиза готова заранее объявить его виновным. Пока говорила о содержании разговора, но не повторяла личных оценок. Это было допустимо лишь потому, что она сообщала хозяйке короткое резюме своей инициативы, а не выполняла последовательный перевод. Ирина решила не делать вид, будто разница не важна.

— Я не пересказывала полностью ваш личный разговор, — сказала она Дмитрию по-русски. — Но если мы обсуждаем его при всех, я буду передавать каждую существенную фразу, включая неприятные.

— Договорились, — ответил он.

Элиза отложила план и предложила перейти в гостиную. В дверях Дмитрий задержал Ирину ещё одним вопросом:

— Вы ведь помните, что мне тогда сказали? Не то, что она утверждает, а ваш перевод.

— Помню.

— Вот этого я и хочу. Чтобы вы наконец сказали, что действительно передали мне тогда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧУЖИЕ СЛОВА

ГЛАВА 7. ПРАВИЛА РАЗГОВОРА

В гостиной к этому времени стало холоднее. Солнце ушло за дом, и свет на обивке кресел выцвел. Элиза потянулась включить торшер, но Ирина попросила подождать: прежде чем продолжать, ей нужно было произнести несколько вещей на двух языках.

Она придвинула стул так, чтобы видеть обоих, положила блокнот на колени и сказала по-французски:

— Я предложила обсудить не только продажу дома. Оба согласились, что у встречи есть ещё одна цель. Я не буду угадывать за вас, что вы хотели сказать, и не буду заменять неприятные слова более удобными. Если вы говорите одновременно, я прошу остановиться. Если кто-то хочет закончить встречу, он может сделать это в любой момент. Я тоже могу прекратить работу.

Дмитрий ждал, пока она по-русски передаст собственные правила. Слово «закончить» заинтересовало его больше всего.

— Вы не собираетесь уйти прямо сейчас?

— Нет. Но мне важно, чтобы все понимали условия.

— Давайте начнём с очевидного, — предложил Дмитрий. — Отель продаётся по-настоящему?

Элиза посмотрела на него, затем на Ирину.

— Да. Я пригласила его смотреть объект. Я хочу его продать. И буду продавать, даже если мы сегодня не договоримся.

Дмитрий удовлетворённо кивнул, получив перевод.

— Тогда моя цель тоже настоящая. Я рассматриваю покупку. Не из жалости к хозяйке и не ради красивого жеста. Место мне подходит. Я могу привести сюда людей, наладить работу.

На улице кто-то дважды коротко посигналил. Ни Элиза, ни Дмитрий не обернулись. Для Ирины этот звук оказался почти неприлично жизнерадостным. Люди за воротами договаривались о стоянке, обеде, дороге домой; им не нужно было заранее устанавливать, кто вправе прекратить разговор.

— Вы говорите, что любой может уйти, — уточнил Дмитрий. — Но мне бы хотелось закончить осмотр. Если мы сейчас начнём обсуждать личное, а потом меня попросят покинуть дом, получится странно.

Ирина перевела. Элиза нахмурилась.

— Ему никто не препятствует осмотреть комнаты. Я сама предложила встречу. Но я не обязана продавать.

Дмитрий убрал список вопросов. Элиза проводила папку взглядом, словно ещё надеялась вернуть её на стол.

— Я думала, сначала закончим осмотр, — сказала она.

— Мы можем закончить осмотр, — ответил он после перевода. — Но вы сами спросили, зачем мне этот дом.

Она посмотрела на Ирину: та ещё не успела передать вопрос, а хозяйка уже узнала по интонации, что согласия не получила.

Из холла позвала Ноэми. Ей нужно было убрать со стола тяжёлую корзину с карточками постоянных гостей. Элиза поднялась, опередив Ирину, и вынесла корзину в гостиную.

— Это я оставляю себе, — сказала она. — Не для покупателя.

Она поставила корзину на колени. Сверху лежала открытка со смешным рисунком: толстый кот прятался от дождя под гостиничной вывеской. Элиза перевернула её изображением вниз.

— Кто нарисовал? — спросил Дмитрий.

— Ребёнок. Он приезжал с родителями каждое лето.

— Я не прошу отдать мне чужие письма.

Ирина перевела. Хозяйка всё же сняла открытку и положила в карман.

Дмитрий спросил, кто продолжит отвечать постоянным гостям после продажи. Элиза начала перечислять то, что знала наизусть: кому нужна низкая подушка, кто приезжает с собакой, чья жена не может подниматься по внутренней лестнице. Ирина остановила её после третьего имени.

— Он спрашивает не об этих людях. Он хочет знать, готовы ли вы знакомить с ними нового управляющего.

— Значит, я всё-таки должна остаться?

— Нет, — сказал Дмитрий, дождавшись перевода. — Спросите, согласна ли она. Не говорите, что должна.

Хозяйка посмотрела на него. Ирина передала просьбу, сохранив последнее уточнение. Элиза несколько секунд молчала, затем сняла корзину с колен и поставила рядом.

— Не сейчас решать, — сказала она. — Сейчас не хочу.

Дмитрий кивнул. Ирина ждала, что он предложит срок или другую оплату. Он не предложил.

Ноеми вернулась за подносом и спросила, кому чего налить. Элиза начала отвечать за всех, но помощница остановила её:

— Мадам, я не запомню три разных заказа, если вы сейчас поменяете ещё и свой.

Дмитрий рассмеялся, услышав перевод. Элиза тоже улыбнулась и поправила на подносе чашку. Ей нравилось, что Ноеми не боялась говорить так при госте; через минуту, когда речь зашла о её дальнейшей работе, улыбка исчезла.

Потом Дмитрий задал практический вопрос о персонале. Если новый владелец решит открыть гостиницу в апреле, кто займётся подготовкой помещений после зимы? Ему нужны были не обещания от чужого имени, а примерные часы работы. Элиза начала перечислять обязанности Ноеми — уборка, бельё, проверка запасов — и привычно добавила, что помощница, конечно, останется. Ноеми услышала последнюю фразу, хотя не слушала русскую часть разговора. Её руки замерли над тарелками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.